

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ЕВРОПЫ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
НАУК**

125009, МОСКВА, МОХОВАЯ УЛ., 11-3
ТЕЛ.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe@ieras.ru
WWW.INSTITUETOFEUROPE.RU

**INSTITUTE OF EUROPE
RUSSIAN ACADEMY OF
SCIENCES**

125009, MOSCOW, MOKHOVAYA STR., 11-3
TEL.: +7(495)692-10-51/629-45-07
E-MAIL: europe-ins@mail.ru
WWW.INSTITUETOFEUROPE.RU

Аналитическая записка №40, 2020 (№223)

Многовекторность и реальный суверенитет в российско-белорусских отношениях

Николай Маратович Межевич

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела социальных и политических исследований, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН

***Аннотация.** В записке рассмотрены ключевые вопросы внешнеполитического выбора Республики Беларусь на современном этапе. Проанализирована концепция суверенитета, указаны объективные ограничения реального суверенитета в современном мире. Изучена структура внешней торговли Беларуси в контексте истории и текущей практики белорусской многовекторности. Показана безальтернативность российско-белорусской интеграции.*

***Ключевые слова.** Суверенитет, многовекторность, внешняя политика, Беларусь, Россия, потенциал, экономическое и политическое сотрудничество.*

Суверенитет и многовекторность – популярные термины в политическом словаре большинства постсоветских государств. Проблема внешнеполитического выбора не была существенной только для Эстонии, Латвии, Литвы. Президент Эстонии Леннарт Мери предельно четко сформулировал дилемму: «в Европу» или «в СНГ». Поскольку второй путь Эстонией не рассматривается, есть только один вариант – европейский. В начале 1990-х годов в странах Прибалтики была дискуссия о возможности повторения межвоенного опыта и создания нейтральных суверенных государств. Но она была кратковременной и закончилась убедительной победой сторонников евроинтеграции и НАТО-интеграции в элитах указанных стран. Мнение граждан было более

дифференцированным, но элиты им не интересовались. Цена вопроса – возможные потери реального суверенитета в Таллине, Риге и Вильнюсе – не смущала никого.

В остальных постсоветских государствах проблемы многовекторности и суверенитета обсуждались и по-своему решались десятилетиями. Как правило, постсоветские государства и их элиты исходят из необходимости, точнее неизбежности, ограничения суверенитета, но предпочитают это делать предметом более-менее рационального торга.

Республика Беларусь в этом ряду заняла особое место. В начале 1990-х годов даже сторонники европейской ориентации и свободного рынка признавали необходимость поддержания устойчивых и выгодных отношений с Россией. Дискуссия была, но она касалась форм, объемов, экономической и политической интеграции. Делегирование суверенитета и степень интеграции внешней политики с восточным соседом не были константой на протяжении 28 лет. Закономерно, что в 2020 году, в год очередных выборов, вопросы суверенитета и многовекторности вновь оказались в центре внимания.

Есть и второй аспект, внешний. Мир 1992 года демонстрировал настолько убедительную победу евроатлантических ценностей, что возникал вопрос: могут ли в принципе быть какие-то другие? Мир 2020 года свидетельствует, во-первых, о серьезных проблемах в евроатлантическом мире и понимании евроатлантических ценностей, а во-вторых, мы видим китайскую модель, доказавшую свою эффективность, турецкую модель, и, конечно, изменился статус РФ, убедительно доказавшей, что она является центром силы.

Суверенитет Беларуси сегодня: самоценность и потенциальные вызовы

В современном мире национальные государства сталкиваются с внутренними и внешними вызовами. С внутренним терроризмом национальное государство справляется своими силами внутри своих границ или меняет их. Внешние вызовы в пост-вестфальскую эпоху предполагали прямое нарушение суверенитета национального государства и его границ. Устав ООН и основанное на нем международное право и сейчас опирается на несколько принципиальных положений. Их современное прочтение для Европы закреплено в хельсинкском Заключительном акте СБСЕ. Однако, суверенное равенство государств, невмешательство во внутренние дела, запрет на применение силы, прописанные в 1975 году, базировались на блоковом противостоянии и равенстве страха. Чарльз Тили тогда писал: «Возможно, Вестфальский мир (1648) в конце Тридцатилетней войны впервые ясно показал, что всей Европе предстоит разделение на четко выделенные и суверенные государства, чьи границы определены международными соглашениями. В последующие три столетия европейцы и их потомки смогли распространить подобную систему государств на весь мир. Недавняя волна деколонизации почти завершила территориальное размежевание

планеты в виде подобной системы».¹ Именно тогда, когда была исполнена ода вестфальской стабильности, она начала разрушаться.

Нельзя сказать, что государство перестало быть основной единицей международных отношений. Оно сохраняет традиционные институты влияния, именно оно обладает суверенитетом, а не ТНК, регионы и международные организации. Проблему можно сформулировать иначе: одни государства, и их абсолютное большинство, проиграли другим. Многие страны утратили свою роль, и остаются в неясном поле призрачных суверенитетов, другие, в дополнение к собственному суверенитету, входят в поле суверенитета иных государств. Одной из важнейших характеристик государства по-прежнему выступает суверенитет – независимость страны во внешних и верховенство во внутренних делах. Суверенитет означает наличие верховной политической власти, от имени которой в стране и за ее пределами принимаются все ключевые решения.

На практике полномочия государств, особенно новых, во внешней политике заметно сокращаются. «Проблемы по обеспечению государственного суверенитета, стоящие перед странами Центральной Европы – молодыми нациями, отличаются от тех, с которыми сталкиваются сегодня остальные европейские государства. Параллельно с задачами становления новых наций, возникших почти три десятилетия назад, перед ними стоит задача самосохранения среди устоявшихся национальных государств западноевропейской и евроатлантической интеграции. Опору в этом они видят, в том числе, в возрождении национальных традиций. Часть проблем не имеет решения и связана с геополитическим положением региона, его зависимостью от транспортных, энергетических и иных логистических решений на континенте, где часто решающая роль принадлежит не центрально-европейским странам, а мировым игрокам»².

Глобализация 2.0 – углубление протекционизма, снижение роли международных экономических организаций, усиление политического регулирования процессов экономического развития и диверсификация протекционистских режимов – по-новому формирует интерес политических элит и бизнеса к сохранению прежней модели экономического суверенитета государств. Вне традиционных возможностей государств, и в значительной мере вне их контроля, действуют коммуникационные и информационные сети, перемещаются мощные финансовые потоки, развиваются другие процессы, охватывающие всю планету. Создаются иные рамки, в которых национальная экономика меняет свои параметры и становится менее суверенной. «Даже обладание значительным конкурентным преимуществом не позволяет отдельной стране в одностороннем порядке открывать собственную экономику без последствий постепенного размывания этого преимущества со стороны конкурентов»³. В этом убедился Д. Трамп, лидер государства, устанавливающего мировые правила игры.

---

¹ Tilly Ch. Reflections on the History of European State-Making. Tilly Ch. (ed.) The Formation of National States in Western Europe. Princeton, Princeton University Press, 1975, P. 45.

² Шишелина Л.Н. Проблемы защиты государственного суверенитета для стран Центральной Европы // Защита государственного суверенитета - опыт Евросоюза и европейских стран: [монография] / [В. Б. Белов и др.; отв. ред. В. Б. Белов]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук. - М.: ИЕ РАН, издательство «Весь Мир», 2018. С.152

³ Буренин А.В., Игошин И.Н. Геоэкономика и экономический суверенитет. М.: 2007 С.12

Транснационализация, по мнению большинства западных экспертов, ведет к растворению национальных экономик, а, значит, и национальных суверенитетов, в новых, более сложных международных структурах. Очень точно и одним из первых эту ситуацию охарактеризовал О. Лафонтен, немецкий политик и экс-кандидат на пост канцлера Германии в 1990 г. В конце 1980-х он писал: «Многие по-прежнему верят в действенность национально-государственных инструментов экономической политики при условии, что на международном уровне эта деятельность хорошо скоординирована... Настала пора понять, что транснациональное перераспределение торговых и инвестиционных потоков, трансферт технологий и производства нельзя более рассматривать лишь как изменение внешнеторговых рамочных показателей. К ним следует подходить как к серьезному ущемлению политической свободы действий национального государства, как к утрате национально-государственного суверенитета»⁴.

В теоретических работах и по сей день вопрос об ограничении государственного суверенитета международным правом остается дискуссионным. Но усиливается точка зрения, согласно которой любое международное соглашение ограничивает суверенитет государства. Профессор А.Н. Талалаев в этой связи отмечал, что «всякое соглашение есть некоторое ограничение суверенитета государств, но это не противоречит сущности соглашения, если только основано на принципах добровольности, взаимности и суверенного равенства и не идет дальше известных пределов, за которыми начинается нарушение суверенитета»⁵. Можно встретить утверждение о том, что добровольное ограничение государством своего суверенитета является одним из его проявлений. Это особенно важно для внешней деятельности. С.В. Черниченко отмечал: «Абсолютного суверенитета нет, поскольку государства взаимозависимы, и эта взаимозависимость в современном мире непрерывно возрастает»⁶. Голландский ученый Г. Шермерс вообще называл суверенитет «фикцией» и утверждал, что государства различны не только по своим размерам и мощи, но и по объему реального суверенитета, которым располагают⁷.

Суверенитет – исторически конкретное явление. Диалог о его сущности в XXI веке означает отказ от понятия «абсолютного суверенитета». Нужно признать различные модели и степени суверенности. Юридический суверенитет не является, в общем случае, «*jusnudum*» (голым правом), а выступает фактором реальной политики. Отсюда подход «атомизации» суверенитета – выделения множества его юридически неделимых аспектов (компетенций), которые могут распределяться между разными внутренними и внешними акторами. При этом надо различать делегирование, уступку, разделение и ограничение суверенитета. Делегирование предполагает добровольную передачу суверенной компетенции другому актору «в пользование» (носителем суверенитета остается передавшая сторона), а уступка – отказ от компетенции в пользу другого актора.

⁴ Лафонтен О. Общество будущего: политика реформ в изменяющемся мире. М., 1990. С. 106.

⁵ Талалаев А.Н. Юридическая природа международного договора. М., 1963, С. 67.

⁶ Черниченко С.В. Делим ли государственный суверенитет? // Евразийский юридический журнал. 2010. № 12 (31). С. 16.

⁷ Schermers G. International Institutional Law. L., 1980, P. 776

В связи с вышеизложенным, обратимся к первоисточнику – выступлению Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко, который так охарактеризовал ситуацию: «Зачем нам поднимать вопросы суверенитета Беларуси и России? Это икона, это святое. Нет у нас проблемы суверенитета». Однако далее он отметил: «Я не о независимости говорю. Для меня независимость – это понятие относительное»⁸. Итак, с позиции Президента Республики Беларусь независимость является относительной, а суверенитет неделим.

Подобный подход к суверенитету имеет место и на уровне политиков, и в международном экспертном сообществе. Однако такое понимание суверенитета считается традиционным, «вестфальским», «ялтинским», а, значит, несколько устаревшим. В этой модели суверенитет трактуется как «верховная абсолютная и непрерывная власть над гражданами и подданными, наивысшее право распоряжаться», высшая власть в границах определенной территории, а в международных отношениях – как принцип, воплощающий идею равенства государств.

Важный вопрос связан с суверенитетом в сфере безопасности. Является ли предоставление гарантий безопасности ограничением суверенитета? Вероятно, да, поскольку случаев предоставления гарантий безопасности без больших или меньших обязательств в современных международных отношениях не было. Вопрос в другом – соблюдается ли баланс между масштабом гарантий и обязательств, не переходят ли обязательства в сфере безопасности в полноценное вмешательство во внешнюю политику? В этом контексте предоставление военного зонтика в связке с обязательством закрыть свои рынки для оружия третьих стран выглядит как возможное. Пример – НАТО. Но со стороны США наблюдается иное по масштабам вмешательство. Для них российско-германская торговля – достаточное основание для ультиматумов и прямого вмешательства не только во внешнюю, но и внутреннюю политику страны. При этом речь идет о государстве, чей экономический потенциал не имеет себе равных в Европе.

В российско-белорусских отношениях ситуация принципиально иная. Россия не только предоставила Белоруссии гарантии безопасности де-юре, но и в 2020 году убедительно продемонстрировала готовность их реализации.

«Разрыв масштаба» между национальными экономиками и внешнеполитическими потенциалами государств, вступающих в союзные отношения, существует часто. Реализация суверенитета во всех случаях проходит в условиях большего или меньшего неравенства сторон. Ситуация, складывающаяся в практиках выстраивания союзных отношений России и Беларуси, не уникальна. Впрочем, именно в этих отношениях неравенство потенциала не ведет к реальному ущемлению суверенитета сторон. В любом случае, «проблема международной правосубъектности различных членов союзных государств... нуждается в научном осмыслении, поскольку такие межгосударственные образования (к которым относится и Союзное государство России

---

⁸ Лукашенко о суверенитете: это икона, это святое [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-o-suverenitete-eto-ikona-eto-svjatoe-336778-2019/> (дата обращения: 15.02.2019)

и Белоруссии) в силу своей существенной специфики носят, как было отмечено, уникальный характер»⁹.

Многовекторность во внешней политике Республики Беларусь: объективный интерес и реальные возможности

Модель внешней политики, получившая название многовекторность, начала формироваться на постсоветском пространстве как единственно возможная реакция на мировое устройство после 1991 года. Примерно до 1994-1995 гг. этой политики в большой степени придерживались даже страны Прибалтики.

Многовекторность, ставшая ключевым принципом белорусской дипломатии и остающаяся таковой до сих пор – закономерный результат политических процессов конца 1980-х – начала 1990-х годов. Анализируя белорусскую внешнеполитическую многовекторность, мы обязаны учитывать, что перед нами «версия» российской многополярности, прорвавшейся в свое время через частокол козыревского атлантизма. «Идея полицентричности, прежде чем стать магистральной, с трудом пробивала себе дорогу через толщу событий 1990-х гг... она была высказана в 1996 г. в статьях Е.М. Примакова в «Независимой газете» и затем в журнале «Международная жизнь»»¹⁰.

Принцип многовекторной политики в качестве основы внешнеполитического курса стал активно декларироваться после избрания Президентом А.Г. Лукашенко в 1994 году, но присутствовал он и ранее¹¹. По мнению руководства республики, в идеальном, а с нашей точки зрения, несколько идеалистическом сценарии, многовекторность – стратегия «равной приближенности» к Востоку и Западу, дающая шанс эффективно использовать выгодное географическое положение, транзитный и индустриальный потенциал¹². Как справедливо отметил профессор В.Е. Снапковский, еще «министр иностранных дел П.К. Кравченко выдвинул инициативу «Минск – восточный Брюссель», предусматривающую превращение Беларуси в центр интеграционных процессов в СНГ с целью создания в перспективе Восточноевропейского экономического сообщества. С.С. Шушкевич и П.К. Кравченко, несмотря на различие позиций по ряду внешнеполитических вопросов, были едины в стремлении ослабить экономическую, политическую и военную зависимость от России и одновременно укрепить политические и торговые связи со странами Центральной и Западной Европы и США»¹³.

---

⁹ Пастухова Н. Б. Особенности государственного суверенитета участников Союзного государства России и Белоруссии // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С.201

¹⁰ Громько Ал.А. Четверть века внешней политики России // Современная Европа, 2018, №3 С.134

¹¹ Подробнее: Кравченко П.К. Беларусь на переломе: дипломатический прорыв в мир: Выступления, статьи, интервью, беседы, дипломатические документы и переписка. Минск. 2009.

¹² Улахович В.Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991-2005). Мн., 2009. С. 45-47

¹³ Снапковский В.Е. Внешняя политика Республики Беларусь: концептуальные основы и приоритетные направления // Внешняя политика новых независимых государств: Сборник / Отв. ред. Б.А. Шмелёв. – М.: ИЭ РАН, 2015. С. 20

Еще в 1995 году был подготовлен и представлен проект Договора о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Белоруссией, который так и не был подписан. Смена государственной символики и придание русскому языку статуса государственного встретило жесткую, хотя и непубличную критику со стороны институтов ЕС. «Таким образом, уже в 1995 г. стало понятно, что Евросоюз имеет дело с государством, чье руководство не ставит перед собой цель вступления в ЕС или ассоциации с ним. В 1996 г. в Белоруссии был проведен второй общенародный референдум, в результате которого были приняты поправки к Конституции, сделавшие страну президентской республикой. Этот референдум не был признан ОБСЕ и Европейским союзом»¹⁴. Поэтому удивление ряда экспертов текущей позицией ЕС – это следствие их возраста: они просто не помнят сути изначально проблемных отношений ЕС и Беларуси 25-летней давности.

Сегодня провал многовекторности признается большинством белорусских экспертов, как оппозиционных, так и поддерживающих А.Г. Лукашенко. «Позиции ЕС в Беларуси слишком слабы: в плане и позитивной, и негативной повестки, которую он мог бы предложить Минску»¹⁵. Закономерно подчеркивается экономический аспект проблемы, специфика отношений Беларуси с партнерами на западе и востоке. В предложенной цитате важно не столько содержание, сколько авторство. В пророссийских настроениях авторы цитаты совсем не замечены: «Беларусь зависит от России и как от главного товарного рынка, и как от поставщика важнейших ресурсов, таких как энергоносители. Ни протесты, ни западное вмешательство не способны это изменить»¹⁶. Отрицать изначально экономическую предопределенность хозяйственного сотрудничества двух стран бессмысленно. «Зависимость Беларуси от России за последние десятилетия увеличилась не из-за причуд одного лица, а из-за объективных социально-экономических процессов по интеграции (точнее, реинтеграции) двух стран, созданию общего пространства свободы перемещения, достаточно глубокой торговой, промышленной, научной, военной кооперации»¹⁷. Единый народнохозяйственный комплекс, который формировался в СССР, опирался на экономические реалии, связанные с включением белорусских земель в состав Российской империи после 1795 года, и оказался более устойчивым, чем дезинтеграционные процессы 1990-х гг.

Нет оснований подвергать критике то, что «обращение к принципу многовекторности во внешней политике Беларуси совпало по времени с усилением интеграционных процессов с Российской Федерацией»¹⁸. Желание руководства республики диверсифицировать векторы сотрудничества абсолютно понятно. Оно рационально и с

---

¹⁴ Басов Ф.А. Развитие отношений Евросоюза и Белоруссии // Мировая экономика и международные отношения 2019, том 63, № 9, С. 70

¹⁵ Прейгерман Е. Измерения политического кризиса в Беларуси <https://minskdialogue.by/research/opinions/izmereniia-politicheskogo-krizisa-v-belarusi> (дата обращения: 06.10.2020)

¹⁶ Прейгерман Е., Грэм Т. Не смотрите сквозь Беларусь: Западу следует сбалансировать интересы Москвы и Минска <https://minskdialogue.by/research/opinions/ne-smotrite-skvoz-belarus-zapadu-sleduet-sbalansirovat-interesy-moskvy-i-minska> (дата обращения: 02.10.2020)

¹⁷ Громько Ал.А. Научная полемика. Белорусский узел <https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/23092020-2> (дата обращения: 09.10.2020)

¹⁸ Шадурский В.Г. С.35 Внешняя политика Республики Беларусь: поиск оптимальной модели Труды факультета международных отношений. научный сборник. Вып. II Минск 2011, С. 35

теоретической, и с практической точек зрения. В какой степени естественное стремление к многовекторности подкреплено ресурсами? Существуют ли для нее объективные экономические возможности? На этот счет есть определенные сомнения и у автора, и у белорусских экспертов различной политической ориентации. Однако понимание этого пришло не сразу. Профессор С.А. Богданкевич писал в 2006 году: «Где наши внешнеэкономические интересы? Очевидно, не в СНГ, если придерживаться фактов. За последние годы доля стран СНГ (кроме России) во внешнеторговых операциях упала примерно до 8%, а доля западноевропейских государств возросла до 50%»¹⁹.

Факты, на которые опирался С.А. Богданкевич, выглядят сегодня так: на долю России в 2019 году приходилось, как и в 2018 году, 49,2% всего товарооборота Беларуси, в том числе – 41,2% экспорта (в 2018 г. – 38,3%) и 55,9% импорта (в 2018 г. – 58,8%). Российский капитал является крупнейшим источником прямых иностранных инвестиций в Белоруссии. По данным российского ЦБ, в 2018-2019 годах инвесторы из РФ ежегодно вкладывали в белорусскую экономику по \$0,65 млрд, а общий объем накопленных инвестиций из РФ в Белоруссию к началу 2020 года составил \$4,26 млрд²⁰. Россия и Фонд ЕАЭС, 88% капитала которого российского происхождения, владеют 63% всей внешней задолженности Беларуси. У российских экспертов по этому вопросу различные мнения, в том числе и не прошедшие проверку временем: «Выпрямление внешнеполитического и внешнеэкономического дисбаланса развития Белоруссии становится общей целью Брюсселя и Минска. При этом отношения в треугольнике Белоруссия – Россия – Евросоюз будут развиваться, скорее всего, без серьезной эскалации»²¹. Проблема не только в том, что эскалация в отношениях ЕС и Беларуси циклична, а в том, что «в сегодняшней обстановке, когда все государства ЕС озабочены глубоким падением своих экономик вследствие пандемии коронавируса, создание солидного фонда для будущих белорусских реформ также представляется нереальным»²².

Многополярность и многовекторность в политике – понятное и закономерное желание того или иного государства. Однако российские исследователи давно отметили, что у многополярности в политике существует жесткий ограничитель в виде многополярности в экономике²³. Если это работает для Германии, может ли это не работать для Беларуси?

---

¹⁹ Богданкевич С.А. Республика Беларусь и ЕС: медленный дрейф к европейским ценностям и стандартам. Новости НИСЭПИ Выпуск 4 (42) Минск 2006, С. 42-43

²⁰ Об итогах внешней торговли Беларуси с Россией в 2019 году. <http://www.embassybel.ru/trade-relations/>

²¹ Басов Ф.А. Развитие отношений Евросоюза и Белоруссии // Мировая экономика и международные отношения 2019, том 63, № 9, С.74

²² Наше мнение. Экспертное сообщество Беларуси <https://nmnby.eu/news/express/7217.html> (дата обращения: 20.05.2020)

²³ Тимофеев И.Н. Политическая многополярность против экономической однополярности? Итоги 2018-го и интриги 2019 года 05.01.2019 <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/politicheskaya-mnogopolyarnost/> (Дата обращения 14.09.2020); Тимофеев И.Н. Европейский парадокс: политика санкций США в отношении бизнеса стран ЕС // Современная Европа, 2020, №2, С. 45–55

Обратимся к России, к оценке ее суверенитета и возможностей осуществления многовекторной политики: «В военном и политическом отношении Россия самодостаточна. Но в экономическом, технологическом, цифровом – она нуждается во внешних рынках и партнёрах. И она будет искать и находить их»²⁴. Позиция С.А. Караганова представляется убедительной. Он исходит из того, что возможности многовекторности для России велики, но лимитированы несколькими сценариями: «... Россия сможет играть выгодную роль – либо как балансир двух потенциальных гегемонов, гарант нового неприсоединения, либо как один из активных творцов нового партнёрства, становясь не окраиной Европы и Азии, а Северной Евразией – одним из её ключевых центров»²⁵. Подчеркнем, речь идет об оптимальных сценариях, реализация которых практически неизбежно будет связана с внешними и внутренними сложностями. Качество двусторонних российско-белорусских отношений может работать как на общие достижения, так и на общее поражение на мировой политической и экономической арене.

Заключение

Вопросы суверенитета и концепция многовекторности являются достаточно известными смысловыми ловушками в кругу актуальных политико-правовых проблем. Первая связана с тем, что эти вопросы представляются весьма простыми, доступными для обсуждения в самом широком формате. Это ключевые вопросы для государственного строительства и их обсуждение иной раз начинается до того, как государство возникает.

Вторая ловушка кроется в междисциплинарности обсуждаемых проблем. Суверенитет – это не только потенциальная возможность, но и реальная способность. Он нуждается в политическом, экономическом, военном обеспечении. Но даже если это обеспечение в избытке, суверенитет не становится абсолютным. Президентство Трампа показало, что пределы суверенизации существуют даже для лидера глобальной экономики и политики. Ограниченность суверенитета – явление объективное, заставляющее государства заведомо более влиятельные, чем Республика Беларусь, вступать в блоки и союзы, временные и постоянные. Альтернатива союзным отношениям, безусловно, есть – это другой «Союз» – Европейский. Но готовы ли там принять Беларусь как полноценного участника интеграции? Ответ очевиден, и он отрицательный. В ЕС вопрос о вступлении в него Беларуси как полноценного или неполноценного участника интеграции никогда не ставился. Кроме того, формально все члены ЕС – его полноценные участники.

В случае с Республикой Беларусь кажущаяся близость ЕС сыграла злую шутку. Польский пример обладает привлекательностью, доступной массовому зрителю. Но он

---

²⁴ Караганов С. Будущее большого треугольника <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-bolshogo-treugolnika/> (дата обращения: 11.10.2020)

²⁵ Караганов С. Будущее большого треугольника <https://globalaffairs.ru/articles/budushhee-bolshogo-treugolnika/> (дата обращения: 11.10.2020)

абсолютно недостижим, но эта истина – предмет обсуждения в узком кругу профессионалов.

События августа-сентября 2020 года убедительно показали, что ЕС готов выразить озабоченность, но абсолютно не готов хоть как-то финансировать белорусские реформы. Это было очевидно экспертам, наблюдавшим все предшествующие десятилетия процесс взаимодействия Республики Беларусь и ЕС.

Достижения Литвы очевидны, по сравнению с Украиной, но вызывают улыбку в Польше. Белорусская оппозиция не может теоретически и практически доказать потенциальную результативность курса на европейскую интеграцию. В этих условиях российско-белорусская интеграция является единственно возможным направлением в развитии не только для белорусской экономики, но и для белорусского общества в целом. Это, разумеется, не отрицает необходимости постоянного согласования целей и задач, форм и методов интеграции. «Осуществлением на практике принципа многовекторности Республика Беларусь подтверждает свою готовность к двустороннему сотрудничеству со всеми заинтересованными в этом странами, прежде всего – к максимальной реализации потенциала стратегического партнерства в отношениях с Российской Федерацией»²⁶. То есть, потенциальная многовекторность не отрицает и не исключает фундаментальную опору на восточный интеграционный вектор.

Позиции российского экспертного и академического сообщества в оценке многовекторности достаточно различны. Доминирующее мнение изложено директором Института Европы, членом-корреспондентом РАН Ал.А. Громько: «Москва и Минск проводят многовекторную внешнюю политику и стремятся к нормальным и взаимовыгодным связям со всеми странами и организациями в мире. Россия и Беларусь – члены Союзного государства и Евразийского экономического союза, они составляют ядро ОДКБ, то есть являются военно-политическими союзниками. Их отношения – это не отношения двух торговцев, каждого из которых можно перекупить»²⁷. Таким образом, проблема политического и экономического сотрудничества России и Беларуси не в многовекторности, а в согласовании направлений политической и экономической активности при безусловном приоритете межгосударственной интеграции.

Multi-vector policy and actual sovereignty in Russian-Belarusian relations

Abstract. *The paper explains key issues of foreign policy choices currently pursued by the Republic of Belarus. The concept of sovereignty and actual constraints of “true sovereignty” in the modern world are analyzed. The Belarusian foreign trade structure is examined in the context of history and current*

---

²⁶ В чем состоит суть многовекторности внешней политики Республики Беларусь? <http://www.embassybel.ru/one-window/frequent-questions/belarus/108/> (дата обращения: 20.09.2020)

²⁷ Заявления США о поддержке суверенитета Беларуси унижают Минск <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/zayavleniya-ssha-o-podderzhke-suvereniteta-belarusi-unizitelny-dlya-minska/> (дата обращения: 01.02.2020)

multi-vector practices of the country. The absence of alternative to Russian-Belarusian integration is demonstrated.

Keywords. *Sovereignty, multi-vector, foreign policy, Belarus, Russia, potential, economic and political cooperation.*

Дата выпуска: 14 октября 2020 года.

Материал доступен для скачивания по адресу: www.instituteofeurope.ru/publications/analytcs